
Христианство в Средиземье: Августин и Дж.Р.Р. Толкин

© 2021 г. А.С. Ильина

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет,
Москва, 119991, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.*

E-mail: asm.fon.bis@gmail.com

Поступила 23.11.2020

Статья посвящена анализу тех мотивов и идей в творчестве Дж.Р.Р. Толкина, которые он заимствует из текстов Августина и августинианской традиции. Наш основной тезис заключается в том, что теологические аспекты «средиземского» творчества Толкина близки к идеям Августина. Мнения Толкина и Августина схожи по многим центральным христианским проблемам, таким как проблема соотношения свободы воли и благодати, проблема соотношения добра и зла, проблема падения и проблема греха. Например, для Августина, как и для Толкина, падение является следствием свободной воли разумного существа, которое желает занять более высокое место в иерархии творения. Это желание и Августин, и Толкин называют гордыней, для них гордыня является матерью всякого последующего порока. И Августин, и Толкин называют существ, которыми завладел порок, «злыми», однако само по себе зло и в сочинениях Августина, и в сочинениях Толкина не является сущностью. Зло «паразитирует» на сотворенном, которое изначально является благом (ибо Бог творит мир благом) и разрушает его. Зло для Толкина и Августина – это небытие, отрицание бытия. Данные аспекты составляют основу системы мировоззрения Августина и Толкина.

Ключевые слова: Августин, Толкин, первородный грех, зло, падение, христианская этика, благодать, свобода воли.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-9-184-193

Цитирование: *Ильина А.С. Христианство в Средиземье: Августин и Дж.Р.Р. Толкин // Вопросы философии. 2021. № 9. С. 184–193.*

Christianity in Middle-Earth: St. Augustine and J.R.R. Tolkien

© 2021 Alexandra S. Ilina

*Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy,
27/4, Lomonosovskiy av. GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.*

E-mail: asm.fon.bis@gmail.com

Received 23.11.2020

The article is devoted to the analysis of motives and ideas in the epics of J.R.R. Tolkien, which he borrows from the texts of Augustine and from the texts of the Augustinian tradition. Main thesis of the paper is that the theological aspects of Tolkien's "Middle-earthic" works are close to the ideas that Augustine asserts in his writings. Tolkien's and Augustine's opinions are similar on many central Christian issues, such as the problem of the relationship between free will and grace, the problem of the relationship between good and evil, the problem of the Fall and the problem of sin. For example, for Augustine, as for Tolkien, the fall is a consequence of the free will of an intelligent being who wants to take a higher place in the Hierarchy of Creation. This desire is called "pride" by both Augustine and Tolkien; for them pride is the mother of all subsequent vices. Both Augustine and Tolkien call the creatures that have taken possession of vice "evil", but evil itself in the writings of Augustine, as in the writings of Tolkien, is not an essence. Evil "parasitizes" on the created, which is originally good, and destroys it. Evil for Tolkien and Augustine is non-being, the denial of being. These individual aspects form the basis of the worldview systems of Augustine and Tolkien; therefore, they are given a special place in our article.

Keywords: Augustine, Tolkien, original sin, evil, fall, christian ethics, grace, free will.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-9-184-193

Citation: Ilina, Alexandra S. (2021) "Christianity in Middle-Earth: St. Augustine and J.R.R. Tolkien", *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2021), pp. 184–193.

Когда в научных кругах заходит речь о творчестве Дж.Р.Р. Толкина, часто вспоминают про то, что он был филологом, знатоком английской средневековой литературы, в крайнем случае – теоретиком сказки и мифа. Именно здесь принято искать истоки его творчества и созданного им мира. Рассуждения о Толкине как религиозном философе встречаются достаточно редко как в российской, так и в западной науке. До сих пор нет однозначного ответа на вопрос, можно ли говорить о произведениях Толкина как о христианских, тогда как сочинения его близкого друга, К.С. Льюиса, давно известны как «христианская эссеистика», а его «Хроники Нарнии» многие считают аллегорией, основанной на сюжете Нового Завета. Более того, некоторые исследователи вовсе забывают о том, что Толкин был ревностным католиком, при том что в своих многочисленных письмах он нередко обращается к размышлениям о христианстве, христианской церкви и христианской вере¹. Об отношении Толкина к католической вере подробно говорится и в классической биографии писателя [Карпенгер 2020, 416]. Однако Толкин – не только верующий, он еще и творец, который создал собственную мифологию. Соотношению мифологии Средиземья и христианской мифологии посвящена монография [Парфентьев web]. Мы постараемся рассмотреть проблему более узко: показать, что «вера в Христа» Толкина очень близка к «вере в Христа» Августина.

Мы не ставим перед собой задачу показать, что христианство Толкина является непосредственным продолжением идей Августина. Августин и Толкин – разные авторы, но при всех различиях их объединяет одно, – вера. Считается, что Толкин изучал Августина в Бирмингемской Молельне (Oratory) под руководством священника Фрэнсиса Ксавье Моргана, который после смерти матери Толкина стал его опекуном [Birzer web]. Основатель молельни, знаменитый кардинал Джон Генри Ньюман, относился к Августину с большим почтением и писал, что именно Августин привел его в лоно католической церкви.

Августин в своих богословских и философских трудах подытожил те мысли, которые объединяли Отцов Церкви и стали важной вехой в развитии догматических учений Церкви. XX в. в особенности показал, что Августин все еще актуален. С 1910-х по 1960-е гг. в ученых католических кругах шли споры о сущности природы и благодати, и эти споры затрагивали как неомомистов, так и августинианцев. Весьма вероятно, что Толкин был знаком с этими спорами, а потому неудивительно, что в его произведении могли проникнуть как августинианские, так и томистские ходы мысли. Ф. Митчелл в статье о католическом контексте творчества Толкина указывает, что писатель был близок к кругам, в которых обсуждалась новая теология (*nouvelle theologie*). Так, Толкин в 1949 г. посещал мессы и причащался в бенедиктинском аббатстве Даунсайд, которое было одним из центров обсуждения новой теологии. Оно выпускало и продолжает выпускать журнал «The Downside Review», который специализируется на философии и теологии; в 1940-х гг. в этом журнале, например, активно обсуждалась книга «Сверхъестественное» Анри де Любака², вызвавшая значительный резонанс в теологических кругах. Помимо этого, теологические вопросы были предметом обсуждения оксфордских коллег Толкина. Так, Остин Фаррер (друг Дж.Р.Р. Толкина и К.С. Льюиса) и Эрик Мэсколл, английские философы и теологи, «были сформированы томистскими аргументами и проблемами» [Mitchell 2013, 66].

О Толкине в связи с Августином и августинианством уже писали другие исследователи [Davison 2003; Fisher 2006], и эти попытки, с нашей точки зрения, были весьма интересными. В статье С. Дэвидсона важное место занимает критика позиции Т. Шиппи [Shippey 2001], писавшего, что представления Толкина о зле восходят к манихейству. Этот тезис также упомянут в монографии Парфентьева, где убедительно показано, что зло, с точки зрения Толкина, не есть сущность, а потому идея Шиппи не выдерживает критики. Толкин в сочинениях, посвященных миру Средиземья, сам нередко обращался к темам, близким Августину. Так, небольшая статья «Судьба и свобода воли» [Tolkien web²] посвящена соотношению благодати и свободы воли в Арде. «Атрабет Финрод ах Андрет», диалог между эльфом и человеком из Мудрых [Tolkien web¹], касается таких тем, как соотношение души и тела, сущность человеческой природы, конец времен и исцеление Арды. Исходя из всего сказанного, мы считаем, что наше обращение к данной теме является в достаточной степени обоснованным.

О том, какую позицию в вопросе о свободе человеческой воли отстаивал Августин, до сих пор ведутся споры³. Не менее острые дискуссии существуют и в среде знатоков Толкина; не прибегая к их подробному описанию, мы постараемся показать те общие темы, которые присутствуют в сочинениях Августина и «средиземских» текстах Толкина. Такими общими темами являются: теория падения; теория греха; проблема соотношения добра и зла; проблема соотношения свободы воли и благодати. Есть и другие точки соприкосновения, однако их анализ вывел бы нас за рамки небольшой статьи.

«Начало греха – гордыня»

О том, что проблема соотношения добра и зла интересовала Августина, мы узнаём из его «Исповеди» (Confessiones). Интерес этот не академический, а личный: Августин винит себя в том, что совершил начиная с младенческих лет [Evans 1990, 11–29]. С точки зрения Августина, человек начинает грешить с самого младенчества, когда, не будучи голодным, из жадности выпрашивает пищу. Посему ответом Августина

на вопрос «Господи, я, раб твой, где или когда был невинным?» (Conf, I.7.12), могли бы быть слова «Нигде и никогда» [Sage 1969, 94]. Грехом Августин считает и свое непослушание родителям и учителям, а наихудшим злом его подросткового поведения становится для него кража груш. И хотя сейчас многие считают, что это лишь естественный путь развития ребенка или, вслед за членом Верховного суда США, О.У. Холмсом, полагают, что Августин «делает из мухи слона»⁴, сам Августин к этому поступку относится очень серьезно, потому что кража была совершена не из-за голода, но из-за желания, из-за любви ко злу как таковому [Starnes 1991, 37]. Но любовь ко злу, с точки зрения Августина, есть любовь ни к чему. Зло, с точки зрения Августина, не субстанциально. Что в таком случае есть зло и откуда оно?

Зло происходит не от Бога. Бог неизменен и абсолютно благ, как и всё, что он создает. Бог сам придает всему меру, вид и порядок (*modus, species, ordo*). Чем более нечто сотворенное соразмерно, прекрасно и упорядочено, тем более оно благое. Природы, у которой вообще нет этих трех благ, не существует. Зло – это испорченность меры, вида и порядка. При этом сам Бог не подвержен порче, поэтому он – Высшее Благо, все остальные природы – лишь некоторое благо, поскольку могут быть испорчены. Испорчены же они могут быть, поскольку сотворены из ничего (*De natura boni*, 3–13). В этом смысле зло есть лишенность блага, лишенность, которая находится в благе как в своей основе [Gilson 2016, 187]. При этом Августин различает два вида зла: «естественное» и «моральное»⁵. Говоря об испорченной природе человека, он говорит о моральном зле, ведь человек испортил свою природу по своей свободной воле. Отсюда следует вопрос: зачем Бог наделил человека свободной волей, если он знал, что это приведет к извращению его природы, к падению?

Данным вопросом открывается вторая книга трактата «О свободном решении» (*De libero arbitrio*). Ответ Августина логично вытекает из предыдущих тезисов. Свободная воля дана человеку Богом, а, значит, она по своей природе является благой и является причиной благих поступков человека. Без свободной воли человек не мог бы жить праведно. При этом без свободной воли нельзя было бы и грешить, поэтому свободная воля не является абсолютным благом. Без свободной воли невозможна была бы награда за добродетельную жизнь и кара за жизнь греховную. Выходит, без свободы воли невозможна была бы моральная ответственность за совершенные поступки. Моральное зло, в свою очередь, – это отвращение людей от неизменного блага и обращение к изменяющимся благам (*De lib. arbit.*, II.19.53). Это обращение происходит по воле человека.

Первый поворот человека к изменяющемуся благу Августин, вслед за Священным Писанием, называет первородным грехом (*peccatum originale*). Августин считает, что первородный грех – это грех гордыни [Mann 2014]. «Итак, “Начало греха – гордость”; и “Начало гордыни – отступление человека от Бога” (Сирах 10:15, 14). Однако к гордыне дьявола была добавлена злонамеренная зависть, [и дьявол] склонил человека к гордыне, из-за которой ощущал себя проклятым» (*De lib. arb.*, III, 25.76). Гордясь, человек ставит себя на место Бога, поскольку считает, что он сам для себя может стать таким началом, коим был для него Бог. То есть человек, гордясь, нарушает естественный порядок, установленный Богом, ведь в иерархии сущего человек стоит ниже Бога и ангелов. Поэтому он позволяет себе пойти против воли Бога и вкусить запретный плод.

Однако моральное зло человека не является первым актом злой воли. До первородного греха мы встречаем другое нарушение естественного порядка, о котором Августин также говорит: это падение Сатаны. Сатана возгордился, начав восхищаться собой, и пожелал занять место Бога⁶. Именно Сатана искусил человека через змия, уговорив его вкусить запретный плод, «попробовать на вкус» гордыню. Гордыня стала прародительницей других грехов. Грехи же приводят в движение плоть вопреки воле, в особенности – похоть (*De civ. Dei*, 14.17).

В сочинениях позднего периода, посвященных полемике с пелагианами, Августин развивает теорию благодати. С его точки зрения, свободная воля человека после падения оказывается ограниченной и даже вовсе не способной противиться злу, идущему

от Сатаны. Однако Бог может помочь человеку повернуться к добру, одарив его благодатью. Этот поворот к добру Августин считает также поворотом к свободе и истине, поскольку благодать позволяет нам свободно волишь добро⁷. Жильсон в книге, посвященной Августину, писал об этом так: «Что происходит с волей человека при ее полном подчинении благодати? Ответим кратко: она сохраняет свое свободное решение, она обретает свободу» [Gilson 2016, 209]⁸. Очевидно, этот тезис является спорным и зависит от того, как именно мы понимаем свободу воли. Мнение Жильсона является одним из возможных и одним из наиболее «позитивных» среди предложенных различными исследователями проблемы свободы воли в сочинениях Августина. Толкин, с нашей точки зрения, придерживался именно этого толкования.

Далее, благодать не может быть заслужена; она – дар Бога, который ниспосылается человеку для совершения *замысла Творца*. Однако благодать не снимает с человека бремя первородного греха, вследствие которого человеческая природа и воля были испорчены. Потому удел человека до Страшного Суда – это борьба с грехами и укрощение злой воли. Ведь именно в борьбе с грехом добродетель укрепляется и упражняется (Gen. ad Litt., XI, 6.8).

«Черный цвет знамен»

Толкин в письме к Мильтону Уолдману писал, что центральными темами его сочинений, посвященных миру Средиземья, являются Падение, Смертность и Машины [Tolkien 1999, xiii]. Всё это разные стороны одной общей темы, зла. Зло в мире Толкина принято ассоциировать с Гортхауром Жестоким, или Сауроном, но он – лишь отголосок Властелина Тьмы, правившего в Первую эпоху. Именно с Властелином Тьмы, Мелькором или Морготом, связано первое Падение, и сам Толкин называет его Дьяволом в письме к Роне Бир⁹. Мелькор появляется в начале «Квенты Сильмариллион», он – один из Айнур, то есть ангелов. Более того, он – сильнейший из Валар, более могущественным является лишь Единый, Илуватар, создатель Айнур. Возгордившись, Моргот начал искать в пустоте Негасимое пламя, с помощью которого Единый творил, но так и не смог его отыскать, поскольку пламя принадлежало лишь Илуватару. Поиски породили в нем мысли, отличные от мыслей Айнур, и эти мысли он вплел как мотив в свою партию во время Музыки Айнур. Мелькор создал диссонанс, заглушавший партии других Айнур, бросив вызов самому Илуватару, но был повержен. «Могущественны Айнуры, и могущественнейший из них – Мелькор; но ему, как и всем Айнурам, стоит знать, что я – Илуватар, те вещи, о которых вы пели, я покажу вам, чтобы вы могли видеть, что создали. И ты, Мелькор, увидишь, что ни одна тема не может быть сыграна, если я – не исток ее, и никто не может менять музыку вопреки мне. <...> Устыдился Мелькор, и из стыда его родилась скрытая злоба» [Tolkien 1999, 5–6].

Однако Мелькор не был изгнан и после создания Арды сошел в мир, чтобы вместе с другими Айнурами творить и созидать. Но он был полон жажды власти, желания подчинить себе Арду, и следствием этого желания стала первая война. Моргот разрушал создания Айнур и привлекал низших Айнур на свою сторону (например, балрогов и Саурана). После пробуждения эльфов Мелькор отправил своих помощников-майар на охоту за ними. Из пойманных эльфов Моргот вывел племя орков, боявшихся и ненавидящих своего хозяина за то, что он с ними сделал. После того как другие Валар узнали о пробуждении эльфов, они объявили Мелькору войну, в которой тот был побежден и закован в цепь Ангаино.

Это и есть первый акт падения, падение Дьявола и ангелов, их изгнание из Рая (или Валинора). Следствием этого падения становится первое падение эльфов, или грех Феанора, создателя прекрасных камней, Сильмариллов. Гордясь творением своих рук, Феанор присвоил его себе и, когда Сильмариллы были похищены Мелькором, Феанор и другие народы эльфов дали клятву вернуть камни и ушли из Валинора, убив своих сородичей, подобно тому, как Каин убил Авеля¹⁰. И после своего падения народ эльфов утонул в грехах: в Сильмариллионе мы видим тень не только семи смертных

грехов, но и других, упомянутых в Священном Писании. Исток этих грехов всё то же – гордыня, желание стать подобным Богу. Ведь Мелькор отвернулся от Илуватара, когда осознал себя творящим и захотел, чтобы его песнь была главенствующей, а Феанор – когда создал прекрасные Сильмариллы [Gallant 2014, 109–112]. Гордыня в книгах Толкина – это желание власти, подкрепляемое способностью к созданию Машин и стремлению изменить мир вопреки божественной воле. Отсюда нелюбовь Толкина к Машинам (Магии). Творения в руках гордящихся созданий перестают выполнять свою естественную функцию и становятся машинами для достижения власти или укрепления своего положения. Толкин сам пишет об этом в письме Мильтону Уолдману: «И то, и другое (по одиночке или вместе) приведет к желанию Власти и того, чтобы воля исполнялась быстрее, – а, значит, к Машине (или Магии). Под последним я подразумеваю любое использование внешних систем или устройств (приборов) вместо развития врожденных внутренних сил и талантов, – или даже использование этих талантов во имя извращенного желания подчинять: перепахивать реальный мир или принуждать другие воли» [Tolkien 1999, xiii].

Машины служат злу, то есть гордыне, а за гордыней следует кара. «Они проклятый Сильмарилл омоют собственной кровью», – многие предводители Высших эльфов погибли в борьбе за камни, а вновь пораженный Валарами Моргот будет низвергнут и, потеряв свою физическую оболочку, отправлен за Границы Мира через Врата Ночи. Тогда наступает Вторая эпоха.

«В нем стучит слепая смерть»

Вторая и Третья эпохи – эпохи двух падений. Во-первых, падения человека: люди пришли в Арду во времена правления Мелькора, многих он смог привлечь к себе, и они признали его Единым. Люди Нуменора, в свою очередь, пленились искусством и красотой слова Гортхаура Жестокого. Во-вторых, еще одного падения эльфов: оставшиеся в Средиземье эльфы вновь впали во грех гордыни. Они остались, поскольку были старейшими и сильнейшими здесь, – но не в Валиноре, где иерархически они были слабее Айнур¹¹. Второй грех эльфов превратил их в существа ушедшей эпохи, которые в этой не могли найти своего места. Они были опечалены, поскольку могли лишь вспоминать о прошлом и восстанавливать уже созданное, но не творить новое. При этом в них осталась любовь к природе, поэтому они оберегали ее от темных тварей, не изживших себя после изгнания Мелькора.

Центральная тема этих эпох – смертность и борьба с ней. Смерть воспринимается гордцами как проклятие, а не как дар Единого Божества. Поэтому великие короли людей принимают от Саурона дар в виде девяти колец, желая продлить свою жизнь. Горлум и другие обладатели кольца алчут его в том числе из-за того, что оно продлевает жизнь. Но смерть – это не проклятие, а свобода. Дар Илуватара людям – это свобода. А «Властелин колец» – это песнь очищения от греха гордыни и принятия своей судьбы, своего места в иерархии. Наиболее яркий пример – Галадриэль. Она – одна из оставшихся в Средиземье Высших эльфов, королева Лотлориена. Она не давала клятву Феанора, но при этом пошла за своими братьями в Средиземье, желая править, и осталась после уничтожения царства Моргота, поскольку, по одной из версий, ей было запрещено вернуться¹². Ее испытание очищения – это испытание кольцом, поэтому, когда Фродо предлагает ей кольцо, она отказывается, поскольку знает, что использует кольцо для того, чтобы подчинять себе свободные народы, чтобы стать новым Гортхауром. Поэтому в конце она получает возможность уплыть в Валинор [Tolkien, 2017 I, 2, 6–7].

Ambar

Те, кто знаком с творчеством Толкина, знают, что его мир глубоко продуман и разработан до деталей; в частности, Толкин придумал своему миру особые (и довольно разнообразные) языки. В короткой заметке «Судьба и свобода воли» [Tolkien web²] он

размышляет о слове *mbar* в эльфийском языке. Это слово означало «обустраивать, создавать», – от него произошло существительное *ambar*, означавшее «мир» (ср. отношение *kosmeo* и *kosmos* в греческом). Толкин отмечает, что это слово невозможно понять, не ссылаясь на эльфийские представления о предопределении и свободе воли. Это слово в эльфийском языке могло относиться как к деятельности разумных созданий, так и к физическим процессам Арды, которые были установлены Единым, Эру. Слово *amarth*, «судьба», тоже происходило от *mbar* и означало «установленный порядок», а слово *mbar'ta* означало судьбу мира в целом, насколько она была установлена и предопределена с момента сотворения. Речь здесь, конечно, идет о Замысле Творца. При этом Толкин упоминает, что помимо судьбы и свободы воли есть также чудо – прямое или косвенное влияние Эру на события в Арде.

Соответственно, все разумные существа в Средиземье обладают свободой воли. Свобода воли может сталкиваться с *amarth* (по-другому – *umbar*), судьбой. Например, о «Хоббите» Толкин пишет, что Бильбо был «обречен» найти кольцо, – но это вовсе не означало, что он был также «обречен» его взять. Он взял кольцо по своему желанию, поскольку воля Бильбо была свободна. Таким образом, в Средиземье, с точки зрения эльфов, присутствуют чудо, случай и свобода воли. То, что названо Толкином «случаем», – проявлением Замысла Эру, – и есть отголоски христианской (и августианской) благодати.

«Скажи мне, гордый человек, где тайный Гондолин?»

Теперь, когда изложены все важные, на мой взгляд, аспекты учения Августина и были приведены фрагменты из сочинений и писем Толкина, отвечающие поставленной задаче, можно перейти к сравнению.

О соотношении добра и зла. Когда Толкин говорит о появлении зла, он обращает внимание на то, что творец зла – дьявол, Мелькор – является божьим созданием, которое само творить не может. Он способен только извратить то, что уже было сотворено. Все создания Мелькора, начиная от высших (драконов, балрогов) и заканчивая низшими (орки) суть искаженные творения Эру (майар или эльфы). Живые создания Мелькора тоже способны творить, но их творения ограничены по сфере своего действия. Орки создали замысловатые машины войны; Саурон – кольцо, которое способно омрачать рассудок. Все эти создания, очевидно, направлены только на разрушение. Злые существа в мире Толкина не способны созидать и рождать: так, орки не способны продолжать свой род естественным путем. К чему это приводит? К небытию. У Моргота появляются злые мысли, когда он бродит в пустоте, то есть в ничто. Зло может плодиться лишь там, где есть добро, заражая его своим отрицающим искажением. Тотальная победа зла есть тотальная победа небытия, которая выражается в уничтожении всего живого. В этом смысле зло просто не может победить, оно не является отдельной самостоятельной сущностью. Более того, Бог может использовать зло или злых существ для реализации своих целей. Так, Голлум, являясь злым существом, обратным Фродо явлением, оказывается необходимым для повествования персонажем, без его «помощи» нельзя было бы уничтожить кольцо. Так и Бог, с точки зрения Августина, может использовать дьявола для осуществления своих целей. При этом злая воля дьявола не будет нарушена: он будет поступать так, как он сам желает.

О соотношении свободы и благодати. Разумные создания Толкина, как и разумные существа, созданные Богом, обладают свободой воли. Эта свобода не ограничена волей Бога в прямом смысле этого слова. Так, Мелькор предал Эру по собственной воле, а Голлум по своей воле убил друга и родича, с которым рыбачил. Поэтому они морально ответственны за свои поступки. Однако как в мире, созданном Богом, так и в мире Толкина существует целесообразность и гармония, и эта гармония выражается в том числе в благодати. Пример действия благодати у Толкина – это история Галадриэль. Не зря исследователи сравнивают ее со Святой Девой Марией [Kerry 2013]¹⁵. С одной стороны, она склонна к гордости, и мы видим, что частью души она алчет

кольца, желая стать единоличной правительницей Средиземья. Однако ей хватает сил отказаться от него. Почему она отказывается? Или почему отказываются Арагорн, Фродо или Гэндальф, чья природа, с точки зрения Д. и К. Падли, подобна природе Христа? [Padley, Padley 2010]. Не является ли это частью Замысла Творца? Ведь мир Толкина, как и христианский мир, – это мир, в котором работают ожидание и целеполагание, а поэтому и тот, и другой сложно представить без действия благодати в разных ее формах.

О теории падения. В текстах Августина и Толкина падение имеет схожую природу; оно является следствием свободного решения разумного существа, отступившего от добра ко злу. Падение связано с гордыней как главным грехом. Если у Августина «падений» два (падения ангелов и людей), то у Толкина их три (падение Айнури, эльфов и людей). Падение имеет следствием «искажение» природы; интересно, что в «Аттрабет Финрод ах Андрет» [Tolkien web¹] Андрет, Мудрая женщина из рода людей, говорит, что, по преданиям, люди от рождения были бессмертны, однако пали и потеряли свое бессмертие. Эта «гипотеза» полностью согласуется с тем, что о падении людей писал Августин. Как Августин, так и Толкин считают, что искажение, случившееся в результате падения, будет «исцелено» только в конце времен силами Творца¹⁴.

О теории греха. Гордыня как недовольство своим местом в естественном порядке, желание находиться выше других в иерархии – высший грех у Августина и высшее зло у Толкина. Именно гордыня, рождающая зависть, провоцирует появление другого зла. Это ярко видно на примере Мелькора, Саурана, Глаурунга и других темных, падших созданий, а также Феанора и феанорингов, нуменорцев – в особенности королей Нуменора, впоследствии ставших Назгулами, – и Сарумана. Все они пали, извратились вследствие гордыни подобно тому, как извратился Сатана или Адам. Интересно, что все те создания, о которых идет речь, были лучшими среди равных. И это важно, поскольку гордыня как у Августина, так и у Толкина – чувство социальное: сравнение себя с другими и желание быть выше подобных тебе. Гордость обрекает даже изначально бессмертное существо на смерть и муки. При этом гордость может быть дана в качестве испытания – например, Галадриэли или Павлу, который из гордыни гнал церковь¹⁵.

В данной статье мы отметили лишь некоторые концептуальные детали, которые сближают Августина и Толкина, хотя августианианский контекст сочинений Толкина является гораздо более широким. Мы не ставили задачи написать текст, полностью исчерпывающий проблему христианства Толкина; мы лишь хотели предложить свой взгляд на эту проблему.

Примечания

¹ Вот лишь один пример, из письма 195: «На самом деле я – христианин, и притом католик, поэтому “история” для меня – не что иное, как “продолжительное поражение”» [Tolkien web⁵].

² Считается, что Анри де Любак был одним из наиболее выдающихся авторов «новой теологии». См.: [Braine 2008].

³ О спорах вокруг вопроса о свободе воли в этике Августина см.: [Wetzel 1987, 123–124; Jenkins 2013].

⁴ Речь идет о письме О.У. Холмса к Г. Ласки.

⁵ В текстах самого Августина такой классификации нет. Однако Августин пишет, что разумная природа начнет портиться лишь после того, как ослушается Бога (отлепится от его нетленной красоты), в то время как неразумная природа может быть испорчена лишь из-за того, что создана ни из чего. При этом неразумная природа не может быть ни блаженной, ни несчастной вследствие своей неразумности; это одна из черт, которая отличает «моральное» зло от «естественного».

⁶ «Так и произошло, что дух разумного создания, услажденный совершенством своего могущества, надмился гордостью, вследствие которой и лишился блаженства духовного рая и начал мучиться завистью» (Gen. ad Litt., XI, 13).

⁷ «Чтобы это было исполнено, помогает благодать: если не поможет [она], закон будет не чем иным, как силой греха» (De grat. et lib. arb., 4.8).

⁸ А также: «Только благодать дает человеку свободу» [Gilson 2016, 210].

⁹ «Мелькор стал бунтарем и дьяволом этих историй, дьяволом, который боролся за королевство Арда с Манвэ» [Tolkien web].

¹⁰ «Первый плод их падения – война в Раю, убийство эльфов эльфами» [Tolkien 1999, xviii].

¹¹ Об этом Толкин пишет в письме Милтону Уолдману: «В первом мы видим нечто вроде второго падения или, по крайней мере, “ошибки” Эльфов. <...> Они желали покоя, блаженства и прекрасных воспоминаний о “Западе” – и при этом хотели оставаться на брэнной земле, где их престиж высших существ, стоящих над дикими эльфами, гномами и людьми, был выше, чем низшая ступень иерархии Валинора» [Tolkien 1999, xxi].

¹² По другой версии, Галадриэль осталась в Средиземье по собственному желанию.

¹³ Также Роберт Мюррей в письме Толкину сравнивал Галадриэль с Девой Марией и говорил о том, что книга оставляла за собой сильное чувство «безусловной совместимости с состоянием благодати». Толкин же отвечал, что он понимает, что Мюррей имеет в виду под «состоянием благодати» и сравнением с Пресвятой Девой. Также Толкин в этом письме указывал, что «Властелин Колец в основе своей произведение религиозное и католическое» [Tolkien web³].

¹⁴ Правда, Толкин не разрешил окончательно проблему «конца истории». У него было несколько гипотез относительно того, что случится в конце времен и как именно Эру «исцелит» Арду Искаженную.

¹⁵ «И, однако, этот самый “меньший из апостолов Твоих”, в устах которого прозвенели эти слова твои, предпочел называться не Савлом, как раньше, а Павлом в знак великой победы: он, воин, сразил гордость (*superbia*) проконсула Павла, подвел его под легкое иго Христово и привел в подданство Великому Царю» [Августин 2013, 371].

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Августин 2013 – *Августин. Исповедь* / Пер. М.Е. Сергеев. СПб.: Наука, 2013 (*Augustini Confessiones*, Russian Translation).

S. Aurelii Augustini *Opera Omnia*: Patrologiae Latinae Elenchus. URL: <https://www.augustinus.it/latino/index.htm>

Tolkien, John Ronald Reuel (web¹) *Athrabeth Finrod ah Andreth*, URL: <https://thainsbook.files.wordpress.com/2015/08/athrabeth.pdf>

Tolkien, John Ronald Reuel (web²) *Fate and free will*, URL: <https://muse.jhu.edu/article/266270/pdf>

Tolkien, John Ronald Reuel (web³) *The Letters*, URL: <https://b-ok.cc/book/1818812/6cdf9c>

Tolkien, John Ronald Reuel (2017) *The Complete History of Middle-earth*, HarperCollins Publishers, London.

Tolkien, John Ronald Reuel (1999) *The Silmarillion*, HarperCollins Publishers, London.

Ссылки – References in Russian

Парфентьев web – *Парфентьев П.А.* Эхо благой вести: христианские мотивы в творчестве Дж.Р.Р. Толкина. URL: https://royallib.com/book/pavel_parfentev/eho_bлагоy_vesti_hristianskie_motivi_v_tvorchestve_dg_r_r_tolkina.html

Карпенгер 2020 – *Карпенгер Х.* Джон Р.Р. Толкин. Биография. М.: АСТ, 2020.

References

Birzer, Bradley J. (n.d.) *St. Augustine and J.R.R. Tolkien*, URL: <https://theimaginativeconservative.org/2019/10/st-augustine-j-r-r-tolkien-bradley-birzer-timeless.html>

Carpenter, Humphrey (2016) *J.R.R. Tolkien: A Biography*, HarperCollins Publishers, London (Russian Translation 2020).

Davison, Scott A. (2003) “Tolkien and the Nature of Evil”, Basham, Gregory, Bronson, Eric, eds., *The Lord of the Rings and Philosophy: One Book to Rule Them All*, Carus Publishing Company, Peru.

Evans, Gillian R. (1990) *Augustine on Evil*, Cambridge University Press, Cambridge.

Fisher, Matthew A. (2006) “Working at the Crossroads: Tolkien, St. Augustine, and the Beowulf-poet”, Wayne, G. Hammond, Scull, Christina, eds., *The Lord of the Rings 1954–2004*, Marquette University Press, Milwaukee.

Gallan, Richard Z. (2014) “Original Sin in Heorot and Valinor”, *Tolkien Studies*, Vol. 11, pp. 109–129.

Gilson, Étienne (2016) *Introduction à l'étude de saint Augustin*, Vrin, Paris.

Jenkins, Eric L. (2013) *Free To Say No? Free Will and Augustine's Evolving Doctrines of Grace and Election*, James Clarke & Co, Cambridge.

Kerry, Paul E., ed. (2011) *The Ring and the Cross: Christianity and the Lord of the Rings*, Fairleigh Dickinson University Press, Madison.

Kreeft, Peter (2005) *The Philosophy of Tolkien: The Worldview Behind The Lord of the Rings*, Ignatius Press, San Francisco.

Mann, William E. (2014) “Augustine on evil and original sin”, Stump, Eleonore, ed., *The Cambridge Companion to Augustine*, Cambridge University Press, Cambridge.

Mitchell, Phillip Irving (2013) ““But Grace Is Not Infinite”: Tolkien's Explorations of Nature and Grace in His Catholic Context”, *Mythlore*, Vol. 31, pp. 61–81.

Padley, Jonathan, Padley, Kenneth (2010) ““From mirrored truth the likeness of the True”: J.R.R. Tolkien and Reflections of Jesus Christ in Middle-earth”, *English*, Vol. 59, No. 224, pp. 70–92.

Parfent'ev, Pavel A. (n.d.) *Echoes of the Good News: Christian Motives in J.R.R. Tolkien*, URL: https://royallib.com/book/pavel_parfentev/eho_blagoy_vesti_hristianskie_motivi_v_tvorchestve_dg_r_r_tolkina.html

Sage, Athanase (1969) “Le péché originel dans la pensée de saint Augustin, de 412 à 430”, *Revue d'Etudes Augustiniennes et Patristiques*, Vol. 15, No. 1–2, pp. 75–112.

Shippey, Tom (2000) *J.R.R. Tolkien: Author of the Century*, HarperCollins Publishers, London.

Starnes, Colin (1991) *Augustine's Conversion: A Guide to the Argument of Confessions I–IX*, Wilfrid Laurier University Press, Waterloo.

Wetzel, James (1987) “The Recovery of Free Agency in the Theology of St. Augustine”, *Harvard Theological Review*, Vol. 80, pp. 101–125.

Сведения об авторе

ИЛЬИНА Александра Сергеевна – студентка кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Author's Information

ILINA Alexandra S. – student, Department of the History of Western Philosophy, Lomonosov Moscow State University.